

ПРОДАЕТСЯ СЕРДЦЕ

РАССКАЗ

ЭНРИКО СЕРУМА

 Н ВКЛЮЧИЛ свет, схватил шариковую ручку и начал писать: «Редактору журнала «Ньюсуик»...». Пустые бутылки из-под пива на столе отвлекали внимание. Он сгреб их и вышел в коридор. Дежурный бой метнулся к нему.

— Слушаю, сэр! — выпалил он с таким рвением, что можно было поверить, будто энтузиазм непритворный.

Мваву сунул ему в руки пустые бутылки и захлопнул дверь, не замечая гримасы разочарования на лице боя. Тот ждал чаевых, а Мваву еще вчера спустил последний шиллинг. Заперев дверь своего номера — номер «200» в «Африка-отеле», — он вернулся к письменному столу.

«Дорогой сэр, — писал он, — я бедный африканский юноша, доведенный нищетой до грани самоубийства. Если мой отчаянный призыв не будет услышан, я брошусь вниз с крыши отеля. Но прежде чем покончить с собой, мне хотелось бы дать себе и миру последний шанс. Я продаю свое сердце для пересадки. Всякий, кому это понадобится, может купить мое молодое, могучее сердце всего за один миллион долларов. Деньги следует незамедлительно выслать телеграфом. Через десять лет покупатель может получить свое приобретение. Эта отсрочка мне необходима, чтобы успеть потратить деньги. Искренне Ваш

Угандийский писатель Энрико Серума был участником V Конференции писателей стран Азии и Африки в Алма-Ате.

Предлагаемый вниманию читателей рассказ «Продается сердце» был опубликован в одноименном сборнике, который вышел в 1970 году в издательстве «Ист-Африка пাবলিশিং хаус» (Найроби). Энрико Серума опубликовал также роман «Происшествие» (1969 год).

Джексон Мваву. Почтовый ящик 95579. Найроби, Кения».

Дрожащими руками он сложил голубой бланк авиаписьма, надресал адрес и стал надевать ботинки. Немедленно отправить письмо! Чем скорее он это сделает, тем раньше придет ответ. Шагая к главному почтамту, он прикидывал в уме, как распорядится миллионом. Был теплый тропический вечер. Кениата-авеню полна гуляющей публики.

Когда он вернулся в отель, его окликнул управляющий.

— Что угодно? — с притворным недоумением отозвался Мваву, хотя прекрасно знал, в чем дело.

— Вам сегодня не приносили писем, — сказал старик укоризненным тоном.

— Вы правы, не приносили.

— И из банка вам не звонили.

— Да, действительно.

— Итак, мистер Мваву, вы не получили ни чека, ни перевода из Америки.

— Может быть, завтра...

— Но вы же уверяли меня, что это будет сегодня.

— Видите ли...

— У меня деловое предприятие. Ваш счет уже превышает восемьсот шиллингов. Я никогда не предоставляю клиентам такого большого кредита.

— Но деньги отправлены. Через неделю я получу свой миллион, весь, до последнего цента.

— Миллион долларов, мистер Мваву?!

— Вот именно.

— Пусть так, но мне нужны мои восемьсот шиллингов: я должен платить служащим. Придется конфисковать ваши вещи, а вас выселить.

— Как угодно, только вам же будет хуже. В этом случае я не оплачу счет — и плакали ваши восемьсот шиллингов.

— Если бы вы могли дать мне гарантию... — в раздумье произнес управляющий.

— Охотно.

— В письменной форме?

— Безусловно, я готов.

— Отлично! — Управляющий протянул ему бумагу и ручку. — Пишите: «Я, нижеподписавшийся, настоящим обязуюсь уплатить управляющему «Африка-отеля» тысячу шиллингов 20 апреля 1968 года. Если я не сдержу слово, управляющий вправе конфисковать мое имущество и передать меня полиции». Спасибо, сэр!

— Минутку! — окликнул Мваву. — Теперь, когда у вас есть гарантия, могу я брать в долг в ресторане?

— Гм, пожалуй, — ответил управляющий. Мваву поспешил в бар.

Официанты не выказали радости при его появлении. Он дал им на чай всего-то раз, когда обедал в номере с одной девицей. Взгрозившись на табурет у бара, Мваву облокотился на стойку, разглядывая свое отражение в зеркале: ну и вид — настоящий забулдыга!

Заказав виски, он попытался развлечь себя, разглядывая сидящих в ресторане, но яркие разводы обоев плясали перед глазами. С ума не шло послание, отправленное за океан, в «Ньюсуик». Через десять лет расстаться с белым светом ради того, чтобы кто-то мог еще пожить в свое удовольствие!.. Пошатываясь, Мваву поднялся. Вернуть письмо, положить конец этой дурацкой истории! Но как? Дело сделано, остановить его ход невозможно. Мваву громко застонал. Официант бросился к нему, думая, что клиенту сделалось дурно от выпитого. Но Мваву отстранил его, сказав, что не нуждается в его услугах. Тот многозначительно переглянулся с коллегами.

Мваву вернулся к стойке и снова заказал виски. В одиннадцатый бар закрылся, и официанты под руки отвели его в номер: хоть этот гость и не дает чаевых, зато приносит верный доход хозяину.

2

Пять дней спустя богатый американец Пилпо Дженкинс Морган из Алабамы посетил свою любовницу Мэри-Энн Монро в Нью-Йорке.

Морган прилетел во второй половине дня из Вашингтона, и мисс Монро, сотрудница редакции журнала «Ньюсуик», отпросилась пораньше и поспешила домой, на Семидесятую улицу. Миллионер годился ей в отцы и все же был весьма дорог ей. Благодаря ему из захудалой потаскушки она превратилась в манхэттенскую леди. Ее трогала его безудержная щедрость. Каждую неделю он переводил на ее счет кругленькую сумму, хотя она могла бы прекрасно прожить и на те деньги, что получала в «Ньюсуике», куда, кстати, ее пристроил он же.

Морган в элегантном халате и меховых домашних туфлях отдыхал на дорогой софе, пока мисс Монро готовила его любимый мятный коктейль. С двумя запотевшими стаканами она подошла к Моргану. Тот поцеловал ей руку, потом обнял, пригнул к себе и замурлыкал:

— Ты душка, детка. Я так нуждаюсь в заботе. Эти проклятые либералы, поносящие наш образ жизни, отнимают у меня немало здоровья.

— Они и мне, Пилпо, действуют на нервы.

— Вот что я тебе скажу, Мэри-Энн: белые, отстаивающие права негров, наверно, в детстве спали с черными слуганками на отцовских плантациях. Священники — проповедники равенства — маршируют рядом с черномазыми в Селме, в Монтгомери, даже в Вашингтоне, и знаешь, ради чего? Чтобы прелюбодействовать с черномазыми и даже жениться на них! То и дело слышишь: белая женщина, такая голубоглазая блондинка, выходит замуж за черномазого, рождает ему шелудивых щенят. Прямо в глазах рябит: евреи, итальяшки, черномазые... Господи боже, страна летит в бездну!

Мисс Монро переполошилась: Пилпо нельзя волноваться, у него больное сердце. Однажды у нее на квартире с ним уже был приступ — страшно вспомнить!.. Тогда погибла его жена — упала на верховой прогулке со своей любимой лошади. Известие о смерти миссис Морган пришло в Вашингтон, когда ее супруг был уже на пути в Нью-Йорк. Его старый друг позвонил мисс Монро и попросил сообщить печальную новость Пилпо. Не успел Морган войти, как мисс Монро все разом выпалила, — тут-то и случился приступ...

— Послушайте, сэр! — воскликнула она, словно что-то вспомнив.

— В чем дело, детка? — насторожился Морган, услышав столь официальное обращение.

— Может, это и глупо, но есть одна вещь, касающаяся нас.

— Что же это, Мэри-Энн?

— Ты слышал о пересадках сердца в Южной Африке?

— Конечно. Но не пытайся уговаривать меня. Дело это весьма сомнительное. «Пилпо Морган получает сердце без согласия родственников донора!» Неважная реклама для убежденного борца против коррупции в Америке, человека, спасающего страну от вырождения, коммунизма и других бед. Нет, увольте!

— Я знаю, как вы остерегаетесь общественного мнения, сэр, но если все проделать как следует, никакой шумихи не возникнет. Кроме того, это в Африке, а не здесь...

— В Африке! Ну что этот отсталый континент может мне дать?

— Сердце.

— Сердце? Что ты, черт возьми, несешь?

— Успокойся, Пилпо, тебе нельзя волноваться.

— Я же просил тебя никогда не говорить о моем сердце.

— Да, но...

— Никаких «но»! — рявкнул Морган, и это напряжение оказалось для него чрезмерным. Мисс Монро еще не успела понять, в чем дело, как он согнулся пополам, жестами показывая ей, чтобы она принесла таблетки. Она метнулась к стенному шкафу, где висел его пиджак, схватила лекарство, стакан с водой...

Когда он совсем пришел в себя, она опустилась рядом, нежно поглаживая его по плечу.

— Так больше не может продолжаться, Пилпо. Надо что-то делать.

— Что можно поделать, Мэри-Энн?

— Ты богат, Пилпо, миллионер с Юга. С твоими деньгами можно купить новое сердце.

— Купить сердце, Мэри-Энн?..

— Один черный — молодой, здоровый человек — продает свое сердце всего за какой-то миллион долларов.

— Правда? Откуда это тебе известно?

— Он прислал письмо в «Ньюсуик». Я сама читала.

— Почему он это делает?

— Беден, как церковная крыса. Эти черные такие сумасброды!

— Но, Мэри-Энн, не могу же я купить сердце у черномазого! Господи, подумать только!..

— При первой пересадке сердца в Южной Африке донор тоже был черный. Да и у нас в Америке...

— В Южной Африке, кроме золота, все остальное — дерьмо! Не могу я влезать в такую историю...

— Деньги всем заткнут рот. Письмо видел только мой босс. Ты свяжешься с черномазым через своего адвоката. Через десять лет, когда твое сердце совсем одряхлеет, ты отправишься в Африку, будто бы на охоту, и в два счета тебе поставят новое сердце.

— Почему ты так хочешь этого, Мэри-Энн?

— Потому что хочу быть тебе хорошей женой, Пилпо.

— Ах, детка, оставь! Зачем тебе такая рухлядь?

— У рухляди полно денег.

— Нет, ты не хочешь за меня замуж, просто дразнишь старого Пилпо.

— Я говорю серьезно.

— О'кей, Мэри-Энн. Решено! Итак, через десять лет...

3

Едва дождавшись пяти часов вечера, Мваву оделся и спустился в бар — не терпелось выпить. Плевать, что там подумают бармен и официанты! Вчера бармен сказал ему с издевкой, что у него такой вид, будто он не спит по ночам. Он и правда места себе не находил, каждый вечер подписывая очередной счет на пятьдесят или сто шиллингов. Уже несколько дней, как отправлено письмо в «Ньюсуик», и никакого ответа...

Усевшись в дальнем углу так, чтобы видеть весь зал, он заказал двойную порцию виски с горьким лимонадом. Он подписывал счета, а не платил за каждую порцию спиртного наличными, как другие. Это могло произвести неплохое впечатление на женщин. Подобно актеру, которого окрыляет успех у зрителей, Мваву вдохновлялся, играя на публику.

Бар постепенно заполнялся: несколько индийцев из числа постоянных клиентов; четверо юные парочки, обнимающиеся у всех на виду. — подражают

белым, обезьянничают, забывая о скромности, предписываемой традициями отцов!

Подойдя к стойке, он после недолгих пререканий уговорил бармена одолжить ему немного денег.

Через четыре часа он вернулся в «Африка-отель» со Стефани, проституткой из ночного клуба. Портфель протянул ему авиаписьмо из Вашингтона. Будучи весьма навеселе, он даже не взглянул на конверт и обратный адрес, а просто сунул письмо в карман и повел гостью к своему номеру.

4

Истекал двенадцатый месяц десятого года со времени успешной сделки Пилпо Моргана с Мваву. Дородный угрюмый надзиратель зычно прокричал в длинном коридоре тюрьмы «Руатхия»:

— Заключенный 876025! Джексон Мваву! Посетители!

В крошечной душной камере коротышка-заключенный с хитрыми глазами, сидевший за избивание своего работодателя, поднял глаза от потрепанной книжонки, прислушался, потом подошел к соседнему топчану и потряс за плечо спящего на нем Мваву.

— Эй, эй! Тебя вызывают! — сказал он по-английски, потому что Мваву плохо понимал суахили и не знал ни камба, ни кикуйю.

Мваву проснулся и сел на топчане.

— К тебе посетители.

— Посетители? Не может быть. Единственная живая душа, кто знает, где я, — это Стефани, а она уже полгода ко мне не ходит.

— Она поняла, что больше с тебя взять нечего. Я вот всегда скрываю от баб, сколько у меня денег.

— Я любил ее, доверял ей. Она вела мои дела и никогда и пенса не присвоила. Даю слово, мы всласть повеселились за эти девять лет. Представь, спустили два миллиона долларов!..

Коротышка и бровью не повел — в тюрьме редкий не прихвастнет.

— Можешь мне поверить. «Шевроле», телевизор, приемник, номер «люкс» в отеле «Харамбе»...

— 876025! — снова прогремел голос надзирателя, и Мваву вскочил на ноги, угодливо улы-

баясь. — Оглох что ли, сукин сын?

— Я здесь, сэр! — Мваву щелкнул босыми пятками, не смея взглянуть в красные глаза, злобно горевшие на иссиня-черной физиономии стража.

— Так чего ты возишься?

— Камера заперта, сэр!

— Выходи!

Мваву проскользнул в коридор, вдоль которого шли двери камер. В комнате для свиданий его усадили рядом с грубой проволочной сеткой.

— Жди здесь, — приказал надзиратель и вышел.

Мваву гадал: кто бы это мог быть? Родители? Но они не в Кении, а в Уганде. Он не писал им об аресте и на суде заявил, что у него нет родственников. Пять лет назад он послал матери пятьсот шиллингов, и она ответила письмом, полным признательности, радовалась за него.

Дверь распахнулась, и в комнату вошли женщина средних лет и благообразный старик. Оба белые. Мваву с любопытством воззрелся на них: что у них к нему за дело? В тюрьме ум его притупился. Столько всего случилось за последние годы: восемь лет неслыханной роскоши, которая ему и не снилась, затем удручающая, обескураживающая, горькая нищета, драки с торговцами и хозяевами квартир и даже ночные налеты на бедных, но бережливых азиатских купцов.

Пока у него были деньги, Мваву разыгрывал замечательный спектакль, но внезапно занавес упал, пребольно стукнув его по макушке.

Надзиратель повернулся на каблучках и вышел, оставив посетителей посреди комнаты. Женщина была недурна собой, в дорогом летнем костюме и широкополой шляпе; на мужчине светлый костюм, в руке трость с черным набалдашником. Мваву решил, что это отец и дочь, возможно, кто-то из старых знакомых. Сообразив, что надо встать при появлении леди, он неуклюже поднялся и раскрыл было рот, но старик не дал ему говорить.

— Привет, мой мальчик, ты отлично выглядишь!

Мваву ничего не понимал.

— Да, сэр, — буркнул он в ответ.

— Садись, дорогая Мэри-Энн. — Старик указал своей даме на стул и, тяжело отдуваясь, уселся сам. — Познакомься, сы-

нок. Это мой верный друг мисс Мэри-Энн Монро.

— Да, сэр. Рад вас видеть, мисс Монро. — Мваву тоже сел.

— Ну как дела, молодой человек? — спросила дама. — Как с вами обращаются? Надеюсь, не бьют, не заставляют таскать тяжести?

— Нет, нет, — ответил Мваву громко — на тот случай, если надзиратель подслушивает. — Меня никто не обижает, и я здоров как бык. «Комиссия», — смекнул он.

— Вы ничем серьезным не болели за эти годы? — продолжала свои расспросы женщина. Она сидела, выпрямив спину, держа сумочку на коленях.

Мваву вспомнил о триппере, которым наградила его Стефани на пятый год их совместной жизни. Она рьяно это отрицала и в свою очередь обвиняла его в измене, твердила, что он путается с грязными шлюхами, словно сама была не из их числа. Но разве такое расскажешь этой белой даме?

— Нет, нет, — выпалил он.

— Прекрасно! — хором воскликнули старик и дама, переглянувшись и облегченно вздохнули. — Просто замечательно!

Мваву уже терял терпение: что им от него нужно? Может, старик — белый либерал, желающий выдать дочь за черного? Еще он читал где-то об одном белом, который зарабатывал на жизнь, уступая свою жеманно-блондинку черным студентам...

Стефани! Эта белая дама чем-то ее напоминает. Стефани — самая любимая, добрая, милая женщина из всех, кого он знал! Как жаль, что она не захотела стать матерью его ребенка. Даже когда она сбежала от него, прихватив «шевроле» и пятьдесят тысяч шиллингов, он не разлюбил ее — что ему какие-то десятки тысяч, когда он ворочал миллионами!

Его мать, получив пятьсот шиллингов, спрашивала в письме, каким образом он разбогател. Он ответил: «Мама, твой сын учился в Америке, и знания, полученные там, преобразили его. Пятьсот шиллингов, что я тебе послал, и те триста, которые посылаю теперь, — это плоды моего высшего образования...».

— Малыш, — прервал его размышления старик, — мы хотим оказать тебе высокую честь и тебе первому объявляем о будущей помолвке.

— Да, сэр! — Мваву недоумевал: что за роль отводится ему в этом спектакле? Хорошо бы заглянуть в сценарий...

— Вы, надеюсь, не против? — спросила дама.

— Срок контракта почти истек, Мэри-Энн, — перебил ее старик, — так что никаких возражений не может быть. Скажи, малыш, — обернулся он к Мваву, — а за что тебя посадили за решетку?

— Оскорбление действием.

— Ясно.

— Я вам все расскажу по порядку, сэр. — Мваву хотелось, чтобы его правильно поняли. — Управляющий отеля «Гранд-мэзон», европеец, обозвал меня черной образиной. А ведь я спустил в его заведение около миллиона шиллингов. Ну я и устроил ему хорошую взбучку.

— Ты избил белого человека, парень? — Старик пришел в невероятную ярость.

— Да, сэр, он сам напорсился.

— Какой срок тебе дали?

— Двенадцать месяцев. Скоро меня выпустят.

— Ах ты... — начал старик, но осекся, вспомнив, что заинтересован в том, чтобы черномазого скорее освободили. — Сколько же тебе осталось?

— Дней десять, если ничего не натворю. — Мваву улыбнулся даме, давая понять, что отнюдь не против брака с ней. Но она почему-то не улыбнулась ему в ответ.

— Отлично, малыш, отлично! Мы пока что съездим в заповедники. Но сначала объявим о помолвке. Если дома удивятся, почему мы выбрали для этого Африку, скажем, что на нас подействовала тропическая экзотика! — Старик расхохотался. — А когда тебя выпустят, мы отправимся вместе к доктору Ван Хаусу в Южную Африку.

Теперь и дама улыбнулась. Гости поднялись, собираясь уходить. Мваву тоже встал, стараясь произвести впечатление хорошо воспитанного человека.

— Я женюсь на ней, сэр! — заверил он старика, но тот глянул на него волком.

— Что-что? На ком это ты женишься? — завопил он. У Мваву упало сердце. К ним уже шел надзиратель.

— На... на вашей дочери, сэр, — пролепетал он, глазами указав на даму.

— Ну и болван же ты, черномазый! Она мне не дочь, а не-

веста! Я женюсь на ней, как только получу сердце! — Старик опомнился — он же в Африке, здесь приходится выбирать выражения. Подхватив под руку даму, он заторопился к выходу, но даже в его походке сквозила ярость: «Ну и ну, наглые черные скоты!». Он не слышал, как застонал Мваву: надзиратель ударил его — как он посмел разгневать белых господ!

5

Мваву вытянулся на топчане и глядел на узкое зарешеченное оконце под потолком. Что за странное свидание! Явно американцы, в Кении недавно. Что им от него нужно? За девять лет роскошной жизни и беспробудного пьянства в его памяти образовались провалы. Он забыл все то, что было неприятно вспоминать. Когда адвокат уплатил ему не один, а целых два миллиона в качестве вознаграждения за его отвагу, он заставил себя не думать о нелепом обязательстве перед богатым американцем; чего он только не насочинял, объясняя окружающим источник своего внезапного обогащения! И сам поверил в эти небылицы, совершенно забыв, что получил деньги в уплату за свое живое сердце.

Он пытался теперь все трезво взвесить и не мог: в камере было нечем дышать, топчан кишмя кишел насекомыми. Да еще этот Фрэнсис все время его отвлекает...

— Послушай, друг, расскажи мне все. Я ж тебе желаю добра. Больше тебе и поделиться не с кем.

— Говорят тебе, я сам ничего не знаю.

— Не зря же они приходили. Что они тебе сказали?

— Много чего. Спрашивали о здоровье, не таскаю ли я тяжести, не бьют ли меня.

— Понятно: они из комиссии, обследующей тюрьмы...

— Ничего подобного. Это любовная парочка, жених и невеста.

— Ох уж эти белые! Ждут старости, чтобы пожениться, — расхохотался Фрэнсис.

— Старик совсем сбрендил, — Мваву тоже улыбнулся. — Сказал, что женится, как только получит сердце!

— Конечно, старику, чтобы жениться на молодой, нужно запасное сердце.

Фрэнсис умолк и снова уткнулся в свою книжонку.

Мваву вернулся к прежним мыслям: существует какая-то связь между ним и этой парой. Что им за дело до его здоровья? Может, действительно комиссия? Но причем тут их женитьба? Что за сердце? Чертовщина какая-то!

Фрэнсис здорово струхнул, когда Мваву вдруг вскочил с топчана и бросился к двери камеры.

— Надзиратель, надзиратель! — отчаянно вопил Мваву, тряся решетку.

— В чем дело? — переполошился подоспевший надзиратель. — Ты болен?

— Ради бога, скажите, кто эти люди — те, что приходили ко мне. Это очень важно. Как их зовут?

— Сейчас посмотрю в журнале, — соглашаясь буркнул надзиратель. Этот сумасшедший может переполошить всю тюрьму.

— В чем дело, друг? — добывался Фрэнсис.

— Да погоди ты!

— Но я...

— Отстань!

— Вот, смотри, — надзиратель протянул Мваву регистрационный журнал. Трясущимися руками Мваву взял его, нашел имя дамы, затем шло имя старика: «Пилло Дженкинс Морган, Монтгомери, Алабама».

Он застонал и уронил журнал на пол, а сам повалился на топчан и затрясся в рыданиях.

«Должно быть, он более крупный преступник, чем здесь думают!» — решил надзиратель, предположив, что белые визитеры в чем-то избобили Мваву.

— Подбери журнал! — приказал он Фрэнсису.

С угодливой улыбкой Фрэнсис поспешил исполнить приказание, но улыбка тут же сменилась жалобной гримасой, Фрэнсис захрипел — крепкие пальцы Мваву сомкнулись у него на горле. Надзиратель не растерялся. Он прослужил здесь двадцать лет, и ему доводилось видеть, как заключенные сходят с ума. На голову Мваву обрушилась тяжелая дубинка. Надзиратель подумал, что удар может прикончить этого безумца. «Ну и пусть, — сообразил он, — мне ничего не будет, я же спасаю другого заключенного!..»

Перевел с английского

В. Рамзес